

ПЕТЕРБУРГСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

ПQ 1100

2)

*Дорогой подписчик
от редактора номера
с наилучшими
заказами.*

Т О О « Ф А Р Н »

Шукина

3. III. 93

Петербургский

Археологический

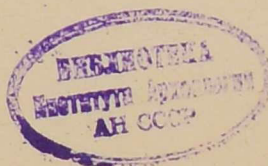
Вестник

42/93

№ 2

под редакцией

д. и. н. М. Б. Шукина

Учредители : Т. О. О. «ФАРН»

Редколлегия :

Бакан Н. А.
Короткевич Б. С.
Мазуркевич А. И.
Щаров О. В.
Шувалов П. В.
Щукин М. Б. (главный редактор)

Печатается по решению

редколлегии Т. О. О. «ФАРН»

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Марченко К. К. Северо-Западное Причерноморье античной эпохи (историко-географическое определение).....	8
Тухкина И. В. К истории изучения острова Фидониси (Знейский) в кон. XVIII - сер. XIX вв.	23
Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н. Пять вариантов днепро- двинской культуры	63
Облажский А. М. Березовка-2 (позднезарубинецкое поселение на Суншине)	83
Сазанов А. В. Тонкостенные красноглиняные анфоры типа 95 по Н. Б. Зест: типология и хронология	100
Каргапольцев С. Ю., Бадаи И. А. Узоры шитов и боевые топо- ры римского времени	113
Список сокращений	125

К истории изучения острова Фидониси (Змеиный)

в конце XVIII - середине XIX вв.

Согласно античной литературной традиции, наиболее важным центром культа Ахилла в Причерноморье был остров ЛЕУКН (Белый), в средневековье называвшийся Илан-Ада, Фидониси, ныне - Змеиный. Археологические памятники Левки уже около двух веков привлекают к себе внимание отечественных исследователей. Цель настоящей статьи - ввести в научный оборот новую информацию, почерпнутую автором из архивных материалов или незаслуженно "забытых" печатных источников.

Остров Фидониси на русских картах впервые встречается в рукописном "Атласе Черного и Азовского морей" описи лейтенанта П. В. Пустошкина (1775), на одной из частных карт небольшого масштаба (отдельной карты острова в атласе нет).

В 1801 г. Фидониси посетили русские военные моряки, проводившие на судне "Красноселье" опись побережья Северо-Западного Причерноморья. Ими была составлена "Карта острова Фидониси, лежащего на Черном море против устья Сунийского. Сочинена с описи нарочно посылаемых по Высочайшему Его Императорского Величества повелению судов, на которой берег положен с береговой описи лейтенанта Будидева и утвержден с наблюдений широты и долготы, по астрономическому хронометру взятых на острове в 1801 г." Моряки составили береговую опись части острова и провели астрономические наблюдения. В записках Ивана

© Тункина И. В., 1992.

ПАВ, 2, 1992

Матвеевича Будищева упомянуто, что "на острове находится колодец и возле развалины древнего строения" (1, л. 4-6 об., 12-12 об., 14-15 об.).¹ К сожалению, ни подлинника карты, ни гидрографической описи, ни записок И. М. Будищева обнаружить в архивах не удалось, хотя известно, что в середине XIX в. они хранились в Черноморском депо карт в Николаеве (2, л. 144 об.).

И. М. Будишев вошел в историю русской гидрографии как автор "Атласа Черного моря" и "Морского путеводителя" в двух частях (Будишев 1807; 1808). Первая часть лоции описывала берега Азовского моря и Керченского пролива, интересующая нас вторая часть осталась неопубликованной (Лоция 1851, XVII). С рукописной карты Фидониси для атласа И. М. Будищева была выполнена гравюра (рис. 1), на которой обозначен не только рельеф местности, "вход на остров" в западной части, "место к пристан. на гребном судне удобное" в восточной части острова, но и "колодезь" в центре и "развалины строен." к юго-западу от него (3, л. 18 об.). При внимательном рассмотрении "развалины строений" можно разделить на три здания, протянувшихся по линии С-Ю.² Если а priori предположить, что на карте зафиксированы строительные остатки античного, а не более позднего времени, то возникает возможность реконструировать структуру святилища Ахилла. Храмом, скорее всего, являлось центральное здание прямоугольной формы, ориентированное по оси З-В, с приблизительноми размерами 26,5 м с юга на север и 52,5 м с запада на восток (рис. 2). Это лишь предварительные

¹ Арабскими цифрами здесь и далее обозначаются архивные документы, список которых помещен в конце статьи.

² Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность за благожелательную поддержку и консультации А. Н. Щеглову.

выводы. Карта И. М. Будишева была "забыта" еще в XIX в. и никогда не привлекалась как источник для изучения археологических памятников Левки. Она, безусловно, требует внимательного анализа специалистами по античной храмовой архитектуре.

В начале 1820-х гг. к главному командиру Черноморского флота и портов А. С. Грейгу обратился профессор Ф. И. Круг с рядом вопросов о топографии Фидониси и Березани "для археологических изысканий, над которыми он тогда трудился" (1, л. 12 об.). Академик Петербургской АН Филипп Иванович Круг (1764-1844) изучал, преимущественно, византийскую и русскую историю. Занимаясь составлением примечаний к путешествию Ибн Фадлана (Krug 1848, 463-535), он решил разобраться в противоречивых свидетельствах письменной традиции о Белом острове, т.к. часть авторов помещала его близ Дунайских гирл, другая - близ Днепра (Kunik 1848, ССХIV-ССХV). 3 октября 1821 г.³ на заседании Конференции Петербургской АН им была зачитана первая часть мемуара "Untersuchungen über die Insel Leuke im Pontus Euxinus". Незаконченная статья была взята автором на доработку, однако довести исследование до конца по каким-то причинам Ф. И. Кругу не удалось. Первый раздел мемуара имел заголовок "Нынешнее положение островов перед устьем Днепра и Дуная. А. Остров перед [устьем] Днепра". Немногие страницы, касающиеся Фидониси, Березани и вопроса локализации Белобережья русских летописей, были напечатаны А. А. Куником после смерти ученого (Krug 1848, 476-481). Спустя годы, независимо от Круга, к мысли о тождестве Левки и Белобережья пришел А. Д. Чертков (Чертков 1845, 84-90, 136).

³ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

Рукопись мемуара хранится в личном фонде Ф.И. Круга в Архиве РАН (4, л. 1-4). Для нас гораздо большую ценность имеет не само исследование, ныне представляющее лишь историографический интерес, а никогда не публиковавшиеся подготовительные материалы к нему.

Из документов выясняется, что через посредство почетного члена Петербургской АН адмирала И.Ф. Крузенштерна, Ф.И. Круг представил А.С. Грейгу ряд вопросов о точных географических координатах, природных условиях, этимологии названий островов Фидониси и Березань и находящихся на них древностях (4, л. 8-9; 5, л. 6-6 об.). По хронологическому соображению всех сведений, достигших нас от древних писателей, касательно острова Лезке, я буду в состоянии объяснить, каким образом остров Березань смещен был с Змеиных островов. В сочинении, которое я намерен представить Академии наук о сем предмете, желаю не только отделить все то, что принадлежит до одного острова, и что касается до другого, но и сколь возможно лучше определить все о сем острове дошедшие о нас сведения. Весьма важно для меня иметь точное топографическое описание обоих островов, которое я до сих пор тщетно старался получить, - писал Ф.И. Круг (5, л. 5-6).

А.С. Грейг поручил составить подробные описания и карты островов гидрографу, капитан-лейтенанту Николаю Дмитриевичу Критскому, участвовавшему в описи Фидониси 1801 г. под руководством И.М. Будищева (Кумани 1844, 380, 397).

Съемка Фидониси производилась 5-7 мая 1823 г. экипажем шхуны Севастополь. В материалах Ф.И. Круга сохранились Топографическое

Документы публикуются с сохранением особенностей правописания и тия XIX в.

описание острова Фидонисия. - Геодезический журнал остров Фидонисия, - Обсервации, учиненные на острове Фидонисий - для проверки и установления часов и - Объяснения на вопросы академик, составленные Н. Д. Критским (4, л. 60-61, 68-75 об.). Копия некоторых документов о Фидонисии и Березани имеются в делах Одесского общества истории и древностей (5, л. 1-10). Ф. И. Круг была представлена и копия рукописной карты Фидонисии, заверенная И. М. Будисевым - План острова Фидонисий с показанием на нем древних развалин. Сочиненный в 1823 году на шхуне Севастополь (рис. 3) (6, л. 1). В центральной части острова, на ровном плато, к юго-западу от колодца с пресной водой, нанесены контуры квадратного в плане храма с размерами 30x30 м, ориентированного стенами по странам света (рис. 4). По линии С-Ю внутреннее пространство разделено на две почти равные части. Западная половина состояла из трех помещений, центральное из которых несомненно больше боковых, восточная - из двух неодинаковых по площади помещений. С северо-восточной стороны к храму примыкал ряд стен с обозначенной Н. Д. Критским буквой X цистерной (Пругло В. А. 1984, 31).

Ряд условных обозначений раскрываются Н. Д. Критским в примечаниях: - Черты аа, вв, сс означают остатки стен; те места, кои означены одним пунктиром, означают части, кои сравнялись с поверхностью острова. Строение X, прикинутое к храму, долженствует быть цистерна. Литеры У означают вход на остров по крутости. На южной части острова автор отметил место, удобное к пристани на гребном судне, на северо-восточной обозначил два места, удобные к восходу на остров, а также заваленный колодезь к северу от храма и открытый колодезь к юго-западу от него. Развалины храма,

зафиксированные на плане Н. Д. Критского, существенно отличаются по своей конфигурации от строительных остатков, нанесенных на карту И. М. Будичева (Тункцна 1991, 32). Этот факт требует обстоятельного анализа и объяснения, но он выходит за рамки настоящей статьи.

В никогда не публиковавшемся "Топографическом описании острова Фидонисия" Н. Д. Критский подробно отвечает на вопросы Ф. И. Круга и описывает все особенности острова. Издаем его по копии XIX в., хранящейся в архиве академика (документ N 1). Из текста ясно, что Н. Д. Критский не сомневался в принадлежности открытых им в центре острова фундаментов "капишу" какого-то божества. "Развалины, существующие на острове Фидонисии, весьма древние, ибо они построены без извести из тесанного камня... Оно хотя, по-видимому, просто состроенное без всякого великолепия, но занимает немалое пространство, и полагать надобно, что в одной и той же ограде имели жительство жрецы, посвятившие себя служению божеству, которому храм сей был посвящен" (4, л. 60). Отмеченная им техника кладки из крупного тесаного камня без извести и сравнение ее Н. Д. Критским с памятниками ближайшей хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове подтверждает гипотезу о принадлежности строительных остатков на острове античному времени.

Н. Д. Критский не удовлетворился находкой пяти архитектурных фрагментов, "окарнизенных хорошим карнизом", и приказал матросам копать "во многих местах около стен". К сожалению, места раскопов ни в описании, ни на плане не отмечены. Культурный слой оказался насыщен фрагментами керамики, в том числе клейменных амфор и черепиц. Помимо двух архитектурных деталей, капитан-лейтенант привез в Николаев и передал в Кабинет редкостей Черноморского депо карт обломок мраморный с греческой надписью, из коей можно

разобрать Семен Гока. К сожалению, при передаче древностей из депо карт в Черноморскую штурманскую роту в 1838 г. камень был разбит, надпись почти не читалась и решением специальной комиссии памятник постановили «выбросить» (7, л. 84 об.). Н. Д. Критский, грек по национальности, охарактеризовал не дошедшую до нас надпись как «весьма древнюю».

Точность снятого Н. Д. Критским плана Фидониси подтверждается современными археологическими исследованиями. В августе 1868 г. на острове работала экспедиция Одесского музея под руководством С. А. Булатович. В низменной восточной части острова, где по мнению большинства исследователей находился священный участок, у спуска к югу с восточной стороны, на месте большого скопления фрагментов анфор, расписной и чернолаковой керамики V-III вв. до н. э. был заложен шурф и обнаружены остатки кладки, сложенной насухо (2 ряда по горизонтали, 1 ряд по вертикали, направлению С-Ю и В-З со слабым отклонением) (8, л. 8-12). Вероятно, раскопками С. А. Булатович оказался открыт угол здания, квадратного в плане, отмеченного на карте Н. Д. Критского буквой С.

Ф. И. Круг, так и не закончивший свои исследования о Белом острове, предоставил полученные от А. С. Грейга материалы академику Егору Егоровичу Келлеру (1765-1838), занимавшему в Петербургской Академии наук кафедру по литературе и древностям греческим и римским. Последний цитатно использовал «Топографическое» описание острова Фидонисия Н. Д. Критского в своем «Мемуаре об островах и Беге, посвященных Ахиллу в Понте Евксинской», где впервые опубликовал гравюру с плана 1823 г. (Koehler 1826, 602-607, pl. XXIV). По Келлеру, основная часть святилища находилась с западной стороны постройки; внутренние стены возведены в более

позднюю эпоху, когда культ Ахилла оказался забытым, а в античное время облик храма был иным (Koehler 1826, 603-604).

Работа была представлена Конференции Петербургской АН 31 августа 1825 г., а в июне следующего года А.С.Грейг отправил Е.Е.Келеру рисунок камня с надписью, открытого Н.Д.Критским на Фидониси (9, л. 34-34 об.). Исследование академика уже вышло к тому времени из печати и надпись так и осталась неопубликованной. К сожалению, обнаружить ее копию в архивах С.-Петербурга до сих пор не удалось.

В своей фундаментальной статье (по современным меркам скорее монографии) Е.Е.Келер тщательно собрал все упоминания о Левке в античной письменной традиции. Проанализировав источники, он пришел к выводу о наличии двух островов Ахилла в Причерноморье, т.к. первая группа авторов помещала его в море напротив дельты Дуная (Фидониси), а вторая - у устья Борисфена (Березань). Независимо от Е.Е.Келера, к такому же заключению пришел и И.П.Бларамберг в своей неизданной статье *Antiquités découvertes en différents tems dans les ruines d'Olbia et conservées dans le Cabinet du Conseiller d'état de Blaramberg à Odessa* (10, л. 16 об.-21 об.). Исследование одесского антиквара было написано, вероятно, в 1823-1825 гг. и должно было стать своего рода продолжением публикации ольвийских древностей, начатых изданием каталога монет его кабинета (Blaramberg 1822). "Я хочу определить разногласия, происходящие из-за путаницы, царящей в работах историков и географов по поводу названия "остров Левка". Одни дают его острову, расположенному около Борисфена, другие Змеиному острову, расположенному недалеко от устья Дуная, - писал И.П.Бларамберг. (10, л. 17 об.). Свою главную задачу он видел в доказательстве

наличия культа Ахилла Понтарха на Березани, и древней истории Левки касался лишь вскользь.

Весной 1834 г. нидерландский консул в Одессе, известный в свое время антикварий, впоследствии действительный член ООИД Я. В. Э. Тетбу де Мариньи подал Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору М. С. Воронцову проект об учреждении маяков при Константинопольском проливе, где обосновывал необходимость постройки маяка на острове Фидониси. Место сие, мимо которого должны проходить все суда, входящие в Одесский залив или выходящие из него, может служить указателем всем судам, противным ветром или волнами соvrащенным с настоящего пути. Одно сие обстоятельство делает оный пункт весьма важным и тем более, что остров сей находится недалеко от устья Дуная, опасного по плоскости берегов и по малой глубине моря в том месте... Почти все суда, намеривающиеся войти в устье Сулинское... приближаются сперва к Фидониси, и остров сей делается потону весьма важным для судов, принужденных при сильном восточном ветре подаваться назад и приближаться к Дунаю, дабы найти убежище в Сулине. На острове Фидониси однакож есть со всех четырех сторон отличные якорные места и он по сему служить может убежищем от четырех главных ветров. Все сии выгоды могут служить побудительными причинами для учреждения маяка, важность которого соделалась бы с каждым днем чувствительнее... (11, л. 27 об.-29).

М. С. Воронцов и члены Одесского отделения Коммерческого совета поддержали проект Я. В. Э. Тетбу де Мариньи. Генерал-губернатор обратился к главному командиру Черноморского флота и портов М. П. Лазареву с просьбой сообщить свое мнение по этому вопросу. Уже в апреле 1835 г. последний подал начальнику Главного морского

таба докладную записку с обоснованием необходимости постройки на Фидониси маяка, предлагая использовать "камень от развалин строений, бывших в древние времена на оном" (1, л. 7-9).

В газетах Петербурга, Москвы и Одессы напечатали объявление "о вызове всех желающих" на сооружение маяка, и в марте 1837 г. Черноморское интендантство заключило контракт с николаевским 1ой гильдии купцом, почетным гражданином Николаем Бухтеевым. По условиям контракта, Н. Бухтеев за 56 тыс. рублей ассигнациями обязался построить на острове кирпичный маяк по утвержденным планам и сметам, "из собственных его по сметам положенных лесов, материалов, его же мастеровыми, рабочими людьми, посудой, инструментами, подмостями и подвозкою к месту строения материалов" (12, л. 2-2 об.).

В октябре 1836 г. на Фидониси был командирован штабс-капитан П. А. Дрозжин "для предварительного обозрения камня, из коего предположено построение там маяка, равно и самого местоположения" и составления сметы. В донесении офицера сказано, что т.к. для строительства выбрана самая высокая точка острова, ее "нужно очистить под всю площадь строения от находящихся там руин, едва приметных, и других груд камней с насыпью". Он заметил также, что "хотя на острове все скалы составлены как бы нарочито из правильных брусчатых камней, огромной величины штук, но вообще камень кренистый, красноватого и синеватого цветов, крепкий и на построение маяка совершенно негодный" (13, л. 2-4). В строительное отделение флота были доставлены образцы камня и специалисты пришли к выводу о невозможности его использования для постройки фундаментов маяка, жилого дома и сарая (13, л. 4).

Строительство началось в 1837 г. и закончилось освящением в

сентябре 1843 г. Маяк был построен по проекту архитектора Акройда из кирпича, на каменном фундаменте, в забутовке которого Н. Бухтеев использовал архитектурные остатки античного святилища (14, л. 1, 25-27). Купец приказал раскопать и «разрыть порохов» два заваленных колодца, практически не дававших воды, хотя строители обнаружили в каменном обрыве острова два небольшие источника (13, л. 35 об. -36).

Работы по расчистке площади под строительство велись под руководством П. А. Дрозжина согласно плану Н. Бухтеева. В то время развалины храма представляли собой «род кургана, обросшего травой». По свидетельству сулинского жителя Иваница, участвовавшего в строительстве маяка с 1837 г., при расчистке выяснилось, что верхняя часть кургана была засыпана землей; по снятии оной оказались большие дикие камни, по разобратии же оных... опять насыпанная земля, по расчищении которой открылись... обделанные, род белого мрамора, камни, бывшие в строении, но все они лежали в беспорядке. Во «взрытой» земле Иваниц нашел 7 медных монет и бусину из зеленоватого камня, отобранных затем П. А. Дрозжиным с обещанием награды за находки. Известно также, что кондуктор Е. А. Петров вывез с острова один из числа камней подобно белого мрамора, который величиною был во все стороны по три четверти примерно. Была ли на нем надпись, Иваниц не помнил. Однако попытки ООИД получить эти древности для музея общества успехом не увенчались (15, л. 7-8 об., 10-12; 16, л. 3-3 об., 5-5 об., 6-6 об.).

За шесть дней до открытия Одесского общества истории и древностей, 17 апреля 1839 г., преподаватель Рижельевского лицея Н. Н. Мурзакевич обратился к исправляющему должность Новороссийского

и Бессарабского генерал-губернатора П. И. Федорову с просьбой поручить "внимательному человеку" надзор за строительством фундамента маяка с целью сбора и сохранения древностей и надписей (15, л. 3-3 об.). Такое задание было дано временному сулинскому полицейстеру Петру Соловьеву. В рапорте П. И. Федорову от 7 сентября 1839 г. он писал, что прибыв на остров увидел расчищенное под строительство маяка место - "в одну сторону до 33 сажень, а в другую до 27 сажень", где были сложены приготовленные "груды больших простых камней, вырытых, как полагать можно, из земли. Между ними находились 20 камней белого мраморовидного известняка, хорошо обработанных, но большей частью разбитых. На одном оказалась надпись с посвящением ольвиополита сына Димострата Ахиллу владыке Левки (IPE, I², 326), вырезанная на постаменте со следани "человеческих следов" от статуи. Там же находился другой постамент, но без надписи; четырехугольный камень, "род столба", со стертой надписью, высотой до 2,5 аршин, толщиной до 12 вершков; два каменных обломка с русскими надписями - "Григорий Попович Зин(х)овски Ануприй Попович" и "Кто будет на сем месте и помолит бога за меня грешнаго" (по мнению Н. В. Пятшевой, относящиеся к казакам XVII-XVIII вв. - Пятшьева 1966, 68). Прочие камни, плитами отделанные, имеют величину - в ширину от 2 до 2,5 аршин, а в высоту до 1,5 аршин. Полагать должно, что из оных были устроены стены в давнее время какого-либо великолепного храма или другого здания. Ибо из них есть с карнизани, весьма хорошо выделанными. Камни сии толшинов примерно до 4-х вершков и более, а в карнизах верхние части до 7 и более вершков, - писал П. В. Соловьев.

Из-за больших размеров и тяжести П. В. Соловьев смог взять с

острова лишь несколько архитектурных фрагментов, которые он безошибочно отнес к остаткам храма. Им были вывезены в Сулин надпись Динострата, угол карниза... вышиною в $6\frac{1}{4}$ вершков, а с боковых частей с одной $9\frac{1}{4}$, а с другой 9 вершков, круглая колонна с продольными высеченными полосами, временем испорченная, вышиною 10 вершков, толщиной 3,5 вершка; обломок камня, выделанного наподобие подноса; ручные каменные жернова толщиной в 1 вершок..., диаметром 12 вершков; две разбитые черепицы, одна из которых шириной 8,5, высотой 12,5 вершков; 11 медных монет, 3 медных гвоздя и 2 медных стрелы скифского типа; разные черепки глиняной посуды, которыми меньшая часть острова в разных местах наполнена (15, л. 4-7). Пользовавшееся покровительством Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова Одесское общество истории и древностей выхлопотало памятники для своего музея. На судне шкипера Андреа Пьеро в августе 1840 г. они были перевезены в Одессу и получены Н. Н. Мурзакевичем (15, л. 13; 16, л. 18). В сентябре 1839 г. П. И. Федоров приказал П. В. Соловьеву доставить в Сулин вторую партию древностей, описанных в его рапорте, но оставленных на Фидониси (в том числе обломки плит, заложенных в бутовом простом камне, приготовленном для маяка), а также продолжать поиски и сообщить свои предложения, каким образом удобнее произвести на нем общее розыскание остатков древности (16, л. 4-4 об.).

О благосклонном внимании губернского начальства к археологическим поискам на Левке узнал израильский купец Дмитрий Афанасьевич Сидери, у которого вдруг возникло желание порыться в земле на острове. Летом 1840 г. Д. А. Сидери в сопровождении 28 матросов отправился на Фидониси и провел раскопки за собственный

счет. Он доставил в Сулин 13 камней в обломках и целых редкой величины, от храма, найденных в 1839 г. П. В. Соловьевым, 8 медных монет, серебряное кольцо с резным изображением погони борзой собаки за зайцем, две геммы, круглую бусину, обломок серьги, гвоздь, кольцо и две стрелы. П. В. Соловьев для музея ООИД приобрел у норяков еще 105 монет (15, л. 17-18, 21-21 об.). Мелкие вещи были отправлены в Одессу по почте, а 13 архитектурных деталей, из-за большого веса и объема, оставались в Сулине до удобного случая (15, л. 20-20 об., 21). Попали ли эти памятники в музей ООИД, неизвестно, скорее всего - нет (Пятыхева 1966, 59).

Одесское общество истории и древностей, ставившее своей целью распространение исторических и археологических сведений о Южной России, не могло оставаться в стороне от раскопок на Левке. На заседании 5 ноября 1840 г. ООИД постановило командировать на остров секретаря и заведующего музеем общества Николая Никифоровича Мурзакевича для проведения дальнейших археологических поисков и описания всего классического, не довольно известного острова (17, л. 40-40 об.). Воспользовавшись предложением Бессарабского губернатора П. И. Федорова составить статистическое описание Бессарабии, Н. Н. Мурзакевич в сопровождении профессора естественных наук Ришельевского лицея А. Д. Нордмана, художника К. Бассоли, П. В. Соловьева, капитана В. С. Тихонова отправился на остров. С 3 по 5 июня 1841 г. Н. Н. Мурзакевич занимался проверкой плана Н. Д. Критского на местности и заключил, что он прекрасно и верно составлен (Мурзакевич 1844б, 300). Он с сожалением констатировал, что от храма Ахилла почти ничего не осталось: «Стояли одни груды камня, сложенного в кубические сажени... Большие четырехугольные камни и плиты, выкопанные из земли,

сложены, а карнизы разбиты на куски. Этот вандализм совершен с таким усердием, что от Ахиллова храма не осталось, как говорится, камня на камне... От всего фундамента, стен и карнизов уцелело лишь несколько отдельных кусков (Мурзакевич 1844б 2:21).

Из надписей Н. Н. Мурзакевич нашел только одну древнегреческую почти совершенно стертую, вероятно, упоминавшуюся в рапорте П. В. Соловьева 1839 г. (в IPE не указана). В разных местах острова (где именно, неизвестно) был заложен ряд шурфов. Находки: битая четырехугольная черепица, фрагменты керамики - поддоны, амфорные ручки и горла. На месте вхождения на остров, на его южном склоне, Н. Н. Мурзакевич приказал заложить раскоп площадью 10 кв. сажень (ок. 45 кв. м.), глубиной 0,5 аршина (ок. 35 см). Раскопками был обнаружен культурный слой. Просеивая землю через решето, за два с половиной дня работы нашли около 120 древнегреческих и римских монет, 8 гоним, медные наконечники стрел, металлические кольца, рыболовные крючки, гвозди, фибулы, обломки стеклянных сосудов и бус, фрагменты расписной и чернолаковой керамики, в том числе с граффити (Мурзакевич 1844б, 25-30; 1887, 651).

На судне "Цецилия" купца Д. А. Сидери в Одессу были переправлены фрагменты "верхнего и нижнего карнизов", 6 кусков плит, "служивших стенами Ахиллесову храму", терракотовая статуэтка "младенца, державшего правую руку на приподнятом колене, а левую опущенную к левой ноге" и множество мелких предметов (18, л. 20-20 об.). Благодаря содействию Д. А. Сидери и П. В. Соловьева, на организацию и проведение экспедиции Н. Н. Мурзакевича оказалось истрачено всего 10 руб. серебром (17, л. 66 об. -67). За безвозмездную поддержку в исследовании Фидонисы ООИД через

М. С. Воронцова выхлопотало у Министерства внутренних дел награду для купца Д. А. Сидери - серебряную медаль на аннинской ленте с надписью "За полезное" для ношения на шее (15, л. 24-25).

В 1841 г. по приказу М. С. Воронцова на Фидониси были командированы карантинный комиссар, унтер-офицер и 12 рядовых "для наблюдения правил карантинной осторожности" (12, л. 133). Перед прибытием на остров, комиссар Изнаильского центрального карантина Александр Алексеев был лично проинструктирован П. И. Федоровым о необходимости сбора и охраны древностей. В рапорте Одесскому обществу А. Алексеев писал о своих усилиях собрать все случайно находимые памятники, "поощряя отыскивавших платежей из собственных денег". Им были приобретены инструменты и наняты рабочие для раскопок. В результате А. Алексеев обнаружил некрополь, оставшийся им недоследованным. Он неплохо разбирался в античной нумизматике и дал приблизительные определения более 150 найденным монетам (15, л. 31-32), однако совершенно не обращал внимания на фрагменты керамики с граффити. Преемник А. Алексеева на посту карантинного комиссара П. Ситников, просеивая прежде раскопанную землю, сообщал о находках буквально в каждом решете черепков с греческими надписями, разбитыми в мелкие куски, "так что на некоторых осталось только несколько букв" (15, л. 35).

Первый "сезон раскопок" А. Алексеева (21 мая - 1 ноября 1842 г.) принес музею ООИД 53 греческих и 22 римских монеты, 4 сердоликовых гонимы, резного сердоликового скарабея, 2 медных кольца, медную статуэтку и 3 медных наконечника стрел (15, л. 26-29). Второй "сезон" (1 мая - 1 ноября 1843 г.), во время которого был обнаружен могильник, оказался более богат находками. Среди них 295 монет, фрагмент вазы с рисунками и часть эллинской

надписи, урночка с эллинской надписью на пьедестале, 2 кувшинчика (лекифа?), 1 чашечка, 4 маленьких глиняных баночки (спузырька), терракотовая статуэтка, 8 гени, медное кольцо, медная запонка, представляющая бегущего зайца, глиняная фигурка в виде еловой шишки (15, л. 31 об. -32). В бумагах общества сохранилось упоминание, что значительная часть весна хороших монет удержана у себя Алексеевым и о присылке им в ООИД совершенно неизвестных и налогообдных. Часть находок была отобрана у солдат, искавших монеты, и присвоена полковником Торкези (15, л. 68 об.).

Раскопчная лихорадка захватила не только чиновников карантинного поста, но и строителей маяка, а также матросов и офицеров морских судов, пристававших к острову. Карантинный комиссар П. Ситников в мае 1844 г. отправил обществу 50 монет, приобретенных разновременно в Изнаиле от чиновников и нижних чинов карантинной стражи, содержавших в прежнее время на Фидониси карантинный пост. А в июне того же года он просил у П. И. Федорова о предоставлении ему права воспретать как находящиеся на острове при маяке нижним чинам флотского ведомства, так и прибывавшим туда по делам службы разным лицам добывать... древности, которые они оставляют у себя. Проводя хищнические раскопки, они, как правило, утаивали найденные вещи, несмотря на предлагаемую плату, и увозили их с Фидониси при сиене с поста или на месте продавали за бесценок посещавшим остров морякам. По сведениям Платона Ситникова, команда нижних чинов, сменявшая карантинный пост А. Алексева, разрыла последнее место недокопанного им кладбища, отыскала до 600 монет..., а также до 40 камушков с перотней..., в числе их некоторые были с надписями. Часть этих древностей нижние чины продали командирам военных судов, посещавшим остров, или

меняли натросан на водку и табак. готовя им, вероятно, такую же
будущность в Измаиле. Смотритель маяка купил у них часть гени и
раздал их разным лицам, правда, предварительно сняв слепки.
1. Ситников переправил их в общество (15, л. 34-34 об.; 16, л.
13-13 об).

П. И. Федоров благосклонно отнесся к предложению П. Ситникова и
приказал командиру Сулинской брандвахты и заведующему Фидонисским
маяком распорядиться, чтобы найденные... нижними чинами древности
не были удерживаемы у себя, а доставлялись бы... чиновнику
Ситникову, от которого уже будут представляемы обществу (16, л.
13 об.).

В рапорте о раскопках с августа 1844 г. по май 1845 г.
П. Ситников писал, что ему достался горький удел отыскивать
древности на той почве, которая пересейна уже два раза. С помощью
решета собственной конструкции он заново стал просеивать землю из
раскопок А. Алексеева на месте древнего некрополя и обнаружил 675
монет, 40 ханушков с перстней (16 с изяшной резьбой), более 30
медных и железных стрел, 1 золотой, 2 медных резных и около 60
железных перстней, более пуда железных и медных гвоздей и разных
металлических обломков, в том числе маленьких колечков, отдельно
и в кусках, жалких остатков кольчуг. По мнению Ситникова,
некоторые из древностей были повреждены при существовавшей у
древних сожигании тел. Из фрагментов керамики с граффити он
собирал только более уцелевшие (15, л. 34-35 об.).

В процессе раскопок П. Ситников наткнулся на нетронутый
нижний слой, отделяющийся от просеянной Алексеевым насыпной в 1
аршин (ок. 70 см. - И. Т.) глиной, с наброшенными сверху камнями,
который заключал много жженых человеческих костей, перемешанных с

землей, черепками, угольями и известью. В слое найдена поврежденная мраморная крышка урны или другого сосуда с греческой надписью, клеймо на ручке родосской амфоры ΑΡΙΣΤΟΚΛΕΥΣ, глиняные изваяния в малом виде ручки и головы человека, несколько кусков свинца, свинцовая праща и много других мелких вещей.

С целью продолжения раскопок нетронутой еще земли П. Ситников просил общество определить к нему двух-трех арестантов гражданского ведомства из находящейся в Измаиле полуроты, т. к. в дряхлых ветеранов-нижних чинов, находившихся в его подчинении, обязаны были выполнять еще и ежедневные пряные служебные обязанности. На отпущенные ООИД 25 руб. ассигнациями он приобрел землекопные инструменты, но для покупки тачек и кирок этой суммы не хватило, поэтому Ситников просил у общества еще 90 руб. серебром (15, л. 35 об.).

Одесское общество, узнав о потере для науки большого числа древностей, разошедшихся по разным рукам, обратилось к П. И. Федорову с просьбой предоставить ему исключительное право проведения раскопок на острове по праву первого занятия, а все найденные вещи обязательно передавать в музей ООИД. Ситникову еще раз было предписано не допускать решительно никому брать и свозить с собою каких-либо предметов древности, а все найденные памятники тщательно уложить и представить губернатору (19, л. 1-3).

Ограниченное в средствах общество выслало П. Ситникову лишь 30 руб. серебром, высказав пожелание, что он представит в музей "все без исключения отысканные... монеты и другие вещи". Такая маленькая сумма, видимо, не удовлетворила П. Ситникова и, судя по

документан, часть древностей он все же присвоил. Так, на описи высланных в общество находок, где перечислены 1195 монет, 40 сердоликовых, 5 стеклянных, 5 "искусственных", 2 металлических и 8 половинок канушков, медный петух, 2 медных "истуканчика", серебряный и медный топорик, серебряная печать, 4 "человеческих головки, из коих 1 стеклянная, 1 костяная и 2 глиняных", 5 игральные кости, 5 медных и 2 серебряных перстня, медная игла, 65 бусин, рассыпавшаяся кольчуга, 26 железных перстней, 40 медных стрел и т. п., рукой Н. Н. Мурзакевича написано: "К сожалению, и половины не доставлено обществу" (15, л. 37-38, 40-40 об., 43-43 об., 46).

Большая часть этих вещей была найдена в 1846 г. во время просеивания уже прежде раскопанной земли древнего могильника. Стремление П. Ситникова найти нетронуемый культурный слой успехом не увенчалось. После нескольких попыток выйти за черту места, где ранее производились раскопки, "обозначенного положением в круг каньяни", он ничего не обнаружил и перенес работы ближе к маяку, где на возвышенной части могильника на глубине 7 футов (ок. 2,1 м) был найден "выложенный местным камнем склеп с истлевшим человеческим скелетом", при котором была рассыпавшаяся от времени кольчуга. Ситников писал, что на этом месте раскопки нужно проводить "со значительным углублением, на довольно твердой земле, заваленной большими каньяни" (15, л. 41 об. - 42 об.).

В сентябре 1846 г. общество отправило П. Ситникову еще 50 руб. серебром с просьбой продолжить работы, но в 1847 г. он был отозван с острова и сменен карантинным комиссаром Охреновским (15, л. 44-45; 20, л. 4-129). Грабительские раскопки служителей маяка и

карантинного поста возобновились с новой силой. Видимо, в Одессу доходили какие-то слухи о них, в том числе о находке камня с древнегреческой надписью (15, л. 53-54; 21, л. 1,3). В мае 1849 г. ООИД обратилось к Бессарабскому губернатору П.И.Федорову с просьбой поручить руководство археологическими раскопками на Фидониси карантинному комиссару и смотрителю маяка, обоим совместно, с тем, чтобы отысканные ими монеты, вещи и проч. при списке за печатями обоих, через посредство начальника карантина были препровождаемы в общество. Этой мерой общество хотело повысить контроль за руководителями раскопок и предотвратить дальнейшую утечку древностей в частные руки. Но пожелание ООИД осталось неосуществленным, т.к. чиновники карантина подчинялись генерал-губернатору Бессарабии, а смотрители маяка - командованию Черноморского флота. П.И.Федоров распорядился вести раскопки карантинному комиссару, который был обязан присылать находки в Одессу запечатанными через Измаильский центральный карантин (15, л. 49-52).

Однако принятые П.И.Федоровым меры не смогли предотвратить дальнейшее разграбление археологических памятников Левки. С 1847 по 1850 гг. хищнические раскопки на острове вели служители маяка, которые совершенно разрыли недокопанную П.Ситниковым часть древнего могильника (рис. 7 лит. С), обнаружив значительное количество серебряных и медных монет, а также несколько золотых весов в 4 золотника каждая и 2 серебряные статульки в 6 дюймов вышины. Все эти находки были вывезены с острова или проданы на месте (21, л. 3).

С осени 1849 г. по июнь 1850 г. на Фидониси вел раскопки за собственный счет карантинный чиновник Илья Патренченко и четыре

человека нижних чинов иорского ведомства, которые получали за просеивание каждой квадратной сажени земли по 1 руб. 42 коп. серебром. И. Петренченко отправил обществу всего 9 монет, 4 медных стрелы и камушек светло-зеленого прозрачного цвета, с одной стороны выпуклый, а с другой плоский (15, л. 55-56 об.). Остальные находки он, скорее всего, присвоил.

В апреле 1849 г. ООИД получило известие о находке на Фидониси канья с древнегреческой надписью. Через посредство П. И. Федорова и М. П. Лазарева к острову была послана шхуна "Ласточка" с поручением доставить камень в Одессу. Однако командир корабля капитан-лейтенант Воеводский, увидев его, заявил, что из-за больших размеров и веса целым его доставить невозможно и предложил отпилить надпись. Общество категорически отвергло предложение командира и решило оставить камень на месте до следующей навигации. Но переправить его в Одессу так и не удалось. 28 февраля 1851 г. приказом губернского начальства карантинный пост на Фидониси был упразднен (15, л. 49 об., 54, 57-59 об.; 20, л. 165).

В бунагах Императорского Русского археологического общества сохранился список надписи, выполненный П. Ситниковым на Левке в 1852 г., с указанием размеров камня - длина 1 аршин 1,5 вершка, ширина 14 вершков, высота 10,5 вершков (рис. 5). По П. Ситникову, камень был найден в 1840 г. при постройке маяка (21, л. 2), но эта дата не подтверждается архивными документами. В отчете Н. Н. Мурзакевича о поездке на Фидониси в 1841 г. сведений о нем нет. Вероятно, он был найден в 1848-1849 гг. В настоящее время надпись хранится в Национальном археологическом музее в Бухаресте (19Е.1², 325).

При закрытии поста на Фидониси Изнаильское карантинное правление в 1851 г. передало принадлежавшие обществу две лопаты, два лона и два решета заведующему островом..., исправляющему должность капитана Сулинского порта капитану 2 ранга Морозову для разысканий древностей (15, л. 61, 63-64). В документах нет сведений, проводил ли он раскопки.

Летом 1852 г. на острове вновь работал П. Ситников, вероятно, по поручению Русского археологического общества. Сохранился его отчет о раскопках (документ N 2). После безуспешных поисков вокруг древнего могильника и окружавших его развалин, он перенес раскопки к маяку, где открыл 8 погребений на глубине около 1,8 м, в глинистом грунте, обложенных плитани местного камня. Копая по направлению уцелевшего фундамента храма, на глубине ок. 90 см он наткнулся на сохранившийся пол здания, вымощенный квадратной черепицей толщиной ок. 5 см.

Безусловная заслуга П. Ситникова состоит в том, что он на основе плана Н. Д. Критского 1823 г. составил подробный "План острова Фидониса с показанием древних на нем развалин и произведенных раскопок" (рис. 7). Этот документ позволяет уточнить места раскопок карантинных чиновников 1839-1852 гг. и дает общее представление об археологической топографии острова. Условные обозначения плана раскрыты в примечании: "Черты А. Б. означают остатки древних развалин. С - раскопанное древнее кладбище. Д - разрытые гробницы. е - места, где производились поиски в последнее время. Ж - цистерна. З - древний колодезь. J - нежи и огорожи. К - пристани. Окружность острова 2 версты. Длина до 300 сажень. Высота от уровня моря 126 фут. английских" (21, л. 7).

Осмотрев на юго-западной стороне острова огромные камни,

сложенные наподобие стен. П. Ситников пришел к выводу, что это "межи или огорожи" для раздела земли, служившие для "удерживания на покатистых местах острова земли, удобной для возделывания". Те же стены зафиксированы и на плане Н. Д. Критского 1823 г. (отмечены буквами аа, вв). Ко времени посещения острова в 1964 г. экспедицией под руководством Н. В. Пятышевой этих стен уже не было. По ее мнению, гребенчатые выходы пород на юго-западном и западном склонах в древности, вероятно, дополнялись циклопической кладкой из огромных полуобработанных глыб той же породы (Пятышева 1966, 62).

С марта по июль 1852 г. П. Ситников нашел 2 золотые, 28 серебряных и 409 медных монет, 60 "незначительных канушков с перстней", 45 "каменных", стеклянных и прочих бусин, 3 медных и 1 серебряное кольцо, медную статузтку, 14 стрел и "глиняное изображение дельфина". В архивном деле сохранился список монет с определениями по центрам чеканки, однако прилагавшиеся к отчету рисунки гербов отсутствуют (21, л. 4 об. - 5 об.).

Еще одна картина о Фидониси была опубликована Я. В. Э. Тетбу де Мариньи в его "Атласе Азовского и Черного морей", изданном в Одессе в 1850 г. на французском языке (22, л. 11). На 8-ой литографированной таблице имеется врезка с картой острова, где отмечены наек, колодец и "руины" двух квадратных построек - первая к юго-западу, вторая к северу от наека. Те же строительные остатки зафиксированы и на плане П. Ситникова 1852 г. (рис. 7).

После Крымской войны 1853-1856 гг. по Парижскому мирному договору о Фидониси, устье Дуная и Южная Бессарабия отошли к автономной в рамках Османской империи Молдове, а затем в 1879 г. к Румынскому княжеству. В 1945 г. остров возвращен СССР. В том же

году на Знеином побывал научный сотрудник ИА АН УССР Л. Д. Дмитров, но результаты его поездки не опубликованы. В 1964 г. на острове работала комплексная экспедиция во главе с Н. В. Пятышевой (Пятышево 1966), в 1968 г. — экспедиция Одесского археологического музея под руководством С. А. Булатович (В), а в 1988–1990 гг. — под руководством С. В. Охотникова. Были проведены разведочные шурфовки в разных местах Знеино и поиски в прибрежной подводной части. Исследования последних десятилетий показали отсутствие ненарушенного культурного слоя. По сведениям, полученным С. А. Булатович, весь почвенный слой в низменной части острова был снят бульдозером. Невосполнимый урон культурным остаткам нанесен строительством маяка, румынских и советских военных сооружений, расположенных на наиболее удобных местах, использовавшихся и в древности (В, л. 39).

Изучив архивные материалы первой половины XIX в., можно с полной определенностью заключить, что раскопки чиновников карантинной службы, строителей и смотрителей маяка, хотя и проводились с ведением и на средства ООИД, но носили кладонскательский характер. Обществу можно упрекнуть в отсутствии попыток выработать специальную инструкцию для раскопок, пренебрежение к составлению планов и чертежей. Даже исследования Н. Н. Мурзакевича проходили без всякой научной фиксации объектов. Общество было заинтересовано в быстром пополнении археологического собрания своего музея и почти не обращало внимание на методическую сторону работ. Культурный слой на Фидониси оказался переотложен в результате хищнических, непрофессиональных раскопок. Только по рапортам чиновников очень трудно, а, порой и вовсе невозможно понять, в каких местах проведены работы. Некоторые донесения

сводятся к простому перечислению найденных вещей. Часть раскопщиков была не прочь скрыть, присвоить себе или продать открытые древности. Даже трудно представить, какая масса археологических источников навсегда потеряна для науки.

Корабли, пристававшие к острову, забирали камни из развалин святилища в качестве балласта (Мурзакевич 1844б, 22-23). Н. Д. Критский приводит рассказ шкипера Пападаки о том, что в 1814 г. один итальянский моряк, остановившись на Фидониси, прихватил с собой 6 архитектурных фрагментов, включая одну колонну (документ N 1). Известно также, что в 1845 г. транспорт "Ингул" дважды вывозил с острова каменный балласт по 1000 пудов (23, л. 82 об. - 83 об.).

Несмотря на печальное состояние памятника в наши дни, из архивных материалов можно извлечь принципиально важную информацию. Неиспользовавшиеся ранее исследователями планы И. М. Будищева 1801 г. и П. Ситникова 1852 г. существенно дополняют план Н. Д. Критского 1823 г. Судя по отчету П. Ситникова, найденный им *in situ* пол храма был вымощен плоской черепицей. Здание было построено из белого мраморовидного известняка, причем не местного, как полагал И. И. Толстой, а привозного (Толстой 1918, 27; Пятыхева 1966, 62). Хранящийся в ОАМ фрагмент ионийской колонны (высота 0,92 м, диаметр 0,88-0,92 м), опубликованный как происходящий с Левки (Личикян 1984, 154, рис. 55), скорее всего таковым не является. Во всяком случае, ни в одном дореволюционном каталоге музея ООИД, включая неизданные описания (18, л. 19 об. - 20 об.), среди памятников, вывезенных с Фидониси, он не значится. Его размеры не совпадают и с параметрами круглой колонны с продольными высеченными полосами, найденной П. Соловьевым в 1839 г. (высота 4 и 43 см, диаметр 1 и 53 см) и переправленной в августе 1840 г. в

Одессу (15, л. 6 об. -7, 13-14).

Архивные источники позволяют уточнить происхождение многих беспаспортных вещей ОАМ, происходящих с Левки. Это касается прежде всего монет, первым издателем которых был Н. Н. Мурзакевич (Мурзакевич 1844а; 1855б; 1849а; 1848б; 1853; 1867). Судя по краткости описания, его нумизматические заметки носили предварительный характер и должны были стать основой большой работы, которая так и не увидела свет. Однако сохранились неизданные таблицы с прорисями найденных монет, ольвийскую часть которых опубликовал П. О. Карышковский (Карышковский 1983), а также неиспользованные ранее исследователями списки монет, принадлежавших музею ООИД. В марте 1859 г. Н. Н. Мурзакевич подал обществу донесение об обмен числе и составе нумизматического собрания, где перечислены монеты, собранные на острове Левки или Фидониси: всех, вообще 1 золотая, 53 серебряных, 455 медных; на руках действительного члена Беккера 6 серебряных, 561 медная. Здесь же приложен список рукой П. В. Беккера с определениями монет по центрам чеканки, а ниже приписка Н. Н. Мурзакевича: "Всех монет с острова Фидониси золотых 1, серебряных 59, медных 1016; [итого] 1076 монет" (24, л. 5 об. -8). Однозначно присоединиться к выводу П. О. Карышковского об авторстве таблиц мы не можем, т. к. судя по документам, монеты Левки изучал и П. В. Беккер. Публикация таблиц позволит дать точные определения и датировки 228 монетам. На острове обнаружено не менее 2387 монет, упоминаемых в рапортах чиновников за 1839-1852 гг., однако в музей ООИД попало чуть более тысячи. Важность и необходимость распределения монет не только по месту чеканки, но и по времени их эмиссии показали М. И. Ростовцев и А. Н. Зограф; первой эту

кропотливую работу попыталась сделать С. А. Булатович (Ростовцев 1918, 183; Зограф 1941, 152; Булатович 1971).

По свидетельству Арриана (*Arrian. Peripl.* 32) в храме находилось множество даров — посвяtitельных надписей, драгоценных камней, перстней, дорогих сосудов, приносимых древними мореплавателями Ахиллу владыке Левки в благодарность за спасение и благополучное плавание. Раскопки I половины XIX в. подтвердили это. Найдены декрет ольвиополитов и посвящение Ахиллу IV в. до н. э., множество граффити с именем героя (Штерн 1897, 169-172; Яценко 1980, 84 сл.), фрагмент краснофигурного кратера с именем Эпиктета и Никосфена (Фармаковский 1893, 39-40, табл. II N 3), множество колец, перстней, бус, терракотовых (Клейман 1970, 24) и металлических статуэток, более двухсот гени (Охотников, Островерхов 1991).

Количество и разнообразие даров говорят об общегреческом характере культа Ахилла владыки Левки (Толстой 1918, 42, 85; Русяева 1979, 127). Находки не менее 84 стрел скифских типов (Пятшыва 1966, 67) свидетельствуют о беспокойной жизни святилища и подтверждают сведения письменных и эпиграфических источников о попытках нападения на остров (Виноградов 1989, 164-168).

Открытие чиновниками древний могильник из урн с трупосождениями в северо-восточной низменной части острова и грунтовых ям с каменной обкладкой юго-восточнее храма входит в явное противоречие со свидетельствами античных авторов, что на Левке селиться и даже оставаться на ночь запрещено. Ряд исследователей не сомневается в наличии на Фидониси древнего поселения (Пятшыва 1966, 65-66; Лейлуныска 1970, 66), другие полагают, что остров не мог быть заселен сколько-нибудь

стабильным населением в полном смысле этого слова, но признают присутствие на нем неинногочисленного культового персонала (Виноградов 1989, 168, прим. 104). С. А. Булатович высказала предположение, что остров в римское время мог использоваться и в военных целях и, помимо жрецов, на нем могли находиться римские моряки и солдаты (Булатович 1990, 57).

Всесторонняя интерпретация памятника и анализ вещевого материала не входили в задачу нашего исследования. В заключение подчеркнем лишь следующее. Святилище Ахилла на Левке, существовавшее почти тысячу лет, является одним из ключевых памятников Северного Причерноморья античной эпохи. Его судьбу в последние два века нельзя назвать счастливой. К сожалению, по ряду причин значительный объем научной информации о нем невосполнимо утрачен. Впервые публикуемые здесь материалы с очевидностью показывают важность использования архивных документов при обращении к памятникам, давно известным по литературе. Архивные документы снимают нерешенные до сих пор вопросы и одновременно ставят новые, раскрывая дальнейшие перспективы изучения археологических объектов, раскопанных в прошлом столетии.

Топографическое описание острова Фидонисия

Слово Фидонисий есть греческое, составленное из фиди - змея и нисос - остров, что и означает Змеинный остров. Он лежит в широте северной $45^{\circ} 15' 53''$ в долготе от Парижа к востоку $27^{\circ} 46' 14,5''$. От подошвы до вершины своей состоит из дикого гольшевого камня. Мал, бесплоден и в окружности своей имеет 925 сажень.

Остров окружен высокими и неприступными скалами, кои в некоторых местах сажень на 10 в высоту простираются; каменный берег острова красноватого цвета, слоистый и заключает в себе много крени.

К нему можно приставать и всходить на оный в трех только местах, кои на плане означены литерани А, В и С. По первому месту хотя не столь хорошо подыматься, но к оному гребню судам приставать удобнее.

На нем нет ни долин, ни гор, ни лугов. Оный почитать можно за один холм, постепенно от краев своих возвышающийся и оканчивающийся небольшою площадкою. Высота острова от поверхности моря 17 сажень. Земли на острове очень мало и едва на фут или на два в глубину простирается. Везде виден камень, и на впалых местах, коих нельзя назвать ни долинами, ни балками, хотя несколько поболее, но и там не более двух аршин оной. Пахотных мест здесь нет, и к тому удобной земли десятины три или четыре едва выбрать можно. Грунт земли, где только она есть, - чернозем самый жирный, и это потому, что здесь водится много чаек. В бытность нашу там они высиживали свои яйца. Их было такое

множество, что нельзя было переступить два шага, чтобы не встретить гнезда или два сряду: Здесь водятся также и бакланы, но не в таком большом количестве, как чайки. Видели несколько горлиц, но очень мало, а других птиц здесь вовсе нет.

На острове не растет ни лес, ни кустарник, нет на нем ни одного дерева, и не видать даже ни шиповника, ни же кустов жожобеловых, кои каненистому грунту более всего приличны.

Здесь растет ржанец, пырей, лебеда, цыкория, шавель, ромашка, по янам осока; аронатических и других трав полевых и душистых цветов нет.

На острове водится много змей. В двухсуточное наше там пребывание видели мы их около сотни; они черные, длинные. Другого рода змей мы не видели и, вероятно, их нет.

Глубина моря около острова везде хорошая, в расстоянии ста сажней от берега бывает она 8 сажней. Дно чистое, не имеет подводных камней, но грунт повсюду ракушка.

У сего острова можно укрыться от всякого ветра. Надобно стать только на якорь поближе к берегу, что учинить можно без всякой опасности, но при перемене ветра нужно сниматься и переходить на противоположную сторону острова.

По оставшимся развалинам полагать надобно, что непрестанно было в древности на острове жилище. Нельзя однако же думать, ни полагать, чтобы могло жить здесь много людей, а паче, чтобы они в состоянии были прокормить себя произведениями острова. Он очень мал, земли на нем всего около 16 десятин, не имеет леса; не могут водиться в большом количестве ни овцы, ни рогатый скот; нет закрытой гавани, ни постоянного пристанища. По грунту дна морского стоянка здесь нехорошая, и остров сей не мог производить ничего

такого, которое бы могло приманить к себе мореходца. Правда, на острове мог бы родиться виноград, и люди посильными трудами своими могли завести всякого рода фруктовых деревьев, но не в таком количестве, чтобы они достаточны были вознаградить другие потребности, коими люди в течение жизни своей нуждаются.

Очень может быть вероятно, что сии развалины суть остатки какого-нибудь храма, и что жившие на нем пользовались жертвоприношениями мореходцев, как и после водилось у христиан, а паче у греков, кои по разным приморским местам строили монастыри, и доброхотные христиане, прельщая мило, посылали по обещанию на церковь Божию подаяние для благополучного и успешнейшего плавания.

Остатки стен, кои на поверхности острова существуют, складены из крупного тесанного камня, но без извести: Такового рода строения можно видеть на полуострове Крыме около Георгиевского монастыря, по дороге из Севастополя в Балаклаву, и по всему Херсонесскому мысу, где был древний город Херсонесо-Таврической. Стены местами простираются в высоту аршина на полтора, а в других, где камень попадали, сравнялись с землею. Остатки сих стен означены на карте, где не только соблюдена верность в измерении, но сохранено положение и направление оных по компасу.

Здесь непременно долженствовало быть какому-нибудь капиду, ибо на сей месте отыскал я пять мраморных штук, окаризованных хороши карнизом, кои полагать надобно, составляли пьедестал истукана. Две штуки, из коих одна длиною в 3 фута 4 дюйма, а другая в 1.5 фута взял я с собою; остальные, которые почти равной меры с первыми, оставлены на месте.

На вершине острова находится колодезь глубиною в 15 фут, обложенный камнем. Воды в нем одна сажень. Она пресна, хороша, но

имеет иловатый дух, вероятно потому, что стоит без употребления.

Кроме сего есть еще здесь два колодца: они четверугольные, обложены также камнем, оба засыпаны, однакож один, который находится в большой ямине, мы несколько откопали и вода тотчас показалась. Все они назначены на плане точно на тех местах, где в натуре существуют.

На вершине острова, около бывшего большого здания видно несколько ям, обкладенных каменьями. Они кажутся ископаны для того, чтобы в них собиралась вода, и служили водохранилищами. Это было весьма нужно для жителей сего острова, ибо как уже нном сказано, оный состоит весь из камня и потому в жаркое лето во время большой засухи легко колодцы могли высохнуть или чувствительно убавляться.

На острове видны три ряда стен, кои местами поравнялись уже с поверхностью острова. Они показаны на плане под литерани аа, вв, сс, и в сем случае сохранена вся точность как в мере длины, так в положении и направлении оных. Те части, кои поравнялись с землей и не столь приметны, означены одним пунктиром.

Западная часть острова, а паче земля между стенами аа, вв, есть самая лучшая и удобнейшая в сравнении с прочими местами. По сему случаю, полагаю я, были построены сии стены, чтобы загородить оную. Стена аа, вероятно, была построена для того, чтобы сохранять скот, не допускать оный до берега, где легко мог падать, ибо берега острова столь круты, что почти перпендикулярны, а местами и навислы.

Шкипер одного греческого судна, Пападаки называемый и живительствующий ныне в Керчах, сказывал мне, что в 1814 году за противным ветром остановился он у острова Фидонисия, за ним вскоре

пришло туда же одно италийское судно. Они съехали на берег, и шкипер с италийского судна взял с собою 6 небольших мраморных штук, из коих одна, говорит он, была круглая окарнизенная, и наверно составляла часть колонны. Сие подтверждает мнение мое, которое и без того не подвержено никакому сомнению.

Я заставлял копать во многих местах около стен и везде находил признаки жительства. Везде показывались разбитые кувшины, горлушки и поддонки и ручки от разных урн. В одном месте нашел я обломок черепицы, на которой сохранилась и римская надпись, и две ручки от урн, на коих видна греческая. На Фидонисии нашел я мрамор, на котором иссечена весьма древняя греческая надпись.

Остров Фидонисий не имеет ничего на себе белого. Грунт его, как я уже выше сего сказал, чернозем. Берега его более красноваты, нежели беловаты. Лебедей на острове нет, но может быть прилетают, чтобы кормиться змеями. Однакож каменья, находящиеся на поверхности острова и непокрытые землею, суть цвету белого, они — натерик, весьма крупные и их очень много. Может быть от сего остров Фидонисий назывался Белый островом. Пещер и гротов не имеет. Каменья, показанные на плане у подошвы острова, вероятно, обрушились и попадали в море.

На сие острове не могли обитать другого звания люди, окромя жрецов и тех, кои прислуживали храму. Никто не поселился бы сюда для житейных удовольствий, коих обрести здесь никак не мог. Итак, поелику здесь было жилище, то оное было храм. Одна святость и суеверие могли прининать сюда человека. Других причин нет.

Подписал капитан-лейтенант Критский.

РГА ИАЭ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 19. Л. 68-70. Заверенная копия I пол. XIX в.

Объяснительное сведение о разыскании древностей на о. Фидониси

Отозванный в 1847 г. с острова Фидониса, где в продолжении 2-х лет производимы были мною поиски древностей, я оставил там нераскопанным еще часть древнего кладбища, показанного на представляемом при сем плане под лит. С.

Прибыв в марте месяце сего года на Фидонис, я нашел это место совершенно разрытым. По собранным сведениям, раскопкам этому занимались в последние 4 года находящиеся при тамошнем маяке служители, которыми найдено значительное количество серебряных и медных монет, а также несколько золотых весов в 4 золотника каждая и 2 серебряные статуйки в 6 дюймов вышины. К сожалению, все это до прибытия моего вывезено уже с острова или продано на месте.

После поисков во круге скопанного кладбища и в развалинах, окружающих его, мне оставалось перенести разыскания на другое место. Вблизи маяка открыто было до 8 гробниц. Они находились на глубине 6 фут в глинистом грунте и выложены были плитами местного камня. В прахе гробниц, тщательно просеянном на решета, найдено до 36 римских монет.

Построенное на месте развалин древнего храма здание Фидонисского маяка не позволило продолжать на этом месте правильных поисков. Ограничиваясь раскопками вокруг маяка, по направлению уцелевшего фундамента, встречен был, на глубине 3 фут, сохранившийся под храмом. Он выложен был черепицей квадратного вида, толщиной в два дюйма. Верхний слой земли над полом заключал в себе битую посуду, ручки с урн и золу. В числе этой отыскано до 100 медных монет.

Поиски в других местах острова, показанных на плане под лит. Е, были менее удовлетворительны. В день попадалось не более 4-5 монет, уничтоженных временем до того, что они рассыпались в куски.

Кроме снесенных при постройке маяка развалин храма, раскопаны были мною в 3-х местах острова древние жилища, сложенные из местного камня, но в них ничего не найдено.

Пересекающие остров в разных направлениях с юго-западной стороны огромной величины камни, сложенные наподобие стен и принятые многими посетителями острова за развалины, по исследовании оказались нежами или огорожами для раздела земли между обитавшими здесь почитателями Ахиллеса. Некоторые из этих стен, по-видимому, сделаны были с целью удержать на покатиных местах острова землю, удобную для возделывания.

В последнюю поездку мою на Фидониси найдено 409 медных и 28 серебряных монет, 6 незначительных канушков с перстней, 45 каменных, стеклянных и других бус, колец - медных 3, серебряное 1, медный истуканчик, 14 стрел и глиняное изображение дельфина.

Коллежский секретарь Н. Ситников

19 июля 1852 г.

РА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620. Л. 3-4 об. Подлинник.

Архивные источники и литература

1. ЦГАВМФ. Ф. 402. Оп. 2. Д. 188.
2. ЦГАВМФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 1.
3. ЦГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 723.
4. ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 19.
5. ОР ЦНБ. V. 716-718.
6. ПФА РАН. Р. IX. Оп. 1. Д. 516.
7. ЦГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3486.
8. НА ОАМ. Инв. N 83361.
9. ЦГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 1927.
10. ОР ЦНБ. V. 1017.
11. ЦГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3296.
12. ЦГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4280.
13. ЦГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3813.
14. ЦГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 873.
15. НА ОАМ. Инв. N 39182.
16. ОР ЦНБ. V. 1534-1547.
17. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1.
18. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 174.
19. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1845/166. Д. 71.
20. ЦГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4366.
21. РА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620.
22. ЦГВИА. ВУА. N 23722.
23. ЦГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4712.
24. ОР ЦНБ. V. 1572-1577.
25. ЦГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 727.

- Будищев И. Н., 1807. Атлас Черного моря. Издан при государственном Адмиралтейском департаменте. СПб.
- Будищев И. Н., 1808. Лоция, или Морской путеводитель, содержит описание фарватеров и входов в порты, заливы на Азовском, Черном море, в проливах Восперском и Византийском находящихся, с присовокуплением рассуждения о ветрах и о течениях. СПб. Ч. I.
- Булатович С. А., 1971. Монетные находки на острове Левке // МАСП. Одесса. Вып. 7. С. 212-225.
- Булатович С. А., 1990. Античные находки на о. Знеиный // Проблемы археологии Северного Причерноморья Ск 100-летия основания Херсонского музея древностей). Тезисы докладов юбилейной конференции. Херсон. Ч. 2. С. 56-57.
- Виноградов Ю. Г., 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.
- Зограф А. Н., 1941. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. Т. 7. С. 152-159.
- Карышковский П. О., 1983. Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // МАСП. Киев. С. 158-167.
- Клейман И. Б., 1970. Терракоты с о. Левки (Белого острова) из святилища Ахилла Понтарха // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. ГІ-ІІ. С. 24.
- Кумани Н. Н., 1844. Обзор гидрографических съемок Черного и Азовского морей // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб. Ч. 2. С. 377-401.
- Лейлунська Н. О., 1970. Про культ Ахілла в Північному Причорномор'ї // Археологія. Т. 23. С. 60-73.
- Лоция 1851 - Лоция Черного моря. Николаев.
- Мурзакевич Н. Н., 1844а. О некоторых малоизвестных монетах,

- инвентаризации в Одессе // ЗООИД. Т. 1. С. 316-318.
- Мурзахевич Н. Н., 1844б. Поездка на остров Левки, или Фидониси, в 1841 г. Одесса. Отд. отт. из ЗООИД. Т. 1. С. 549-562.
- Мурзахевич Н. Н., 1848а. Монеты, отысканные на острове Фидониси // ЗООИД. Т. 2. С. 838-839.
- Мурзахевич Н. Н., 1848б. Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае // ЗООИД. Т. 2. С. 405-416.
- Мурзахевич Н. Н., 1853. Монеты, отысканные на острове Левки или Фидониси // ЗООИД. Т. 3. С. 237-246.
- Мурзахевич Н. Н., 1867. О некоторых малоизвестных монетах // ЗООИД. Т. 6. С. 475-476.
- Охотников С. Б., Островерхов А. С., 1991. Ганги и перстни из святилища на Левке // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тезисы докладов юбилейной конференции 9-11 марта 1991 г. Одесса. С. 69-71.
- Пичикян К. Р., 1984. Малая Азия - Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М.
- Пруделло В. И., 1984. Остров Левка // Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья. М. С. 31.
- Пилипюк Н. В., 1966. Археологическое обследование острова Левки со. Звенигород осенью 1964 г. // Тр. ГИМ. Археологический сборник. Вып. 40. С. 58-70.
- Ростовичев М. И., 1918. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. Вып. 63. С. 177-197.
- Руслева А. С., 1979. Земледельческие культы в Ольвии допетровского времени. Киев.
- Толстой Н. И., 1918. Остров Белый и Таврика на Евксинском пункте. Пг.

Тункина И. В., 1991. К истории изучения острова Фидониси: в конце XVIII - первой четверти XIX вв. // История и археология Нижнего Подунавья: Вторые чтения памяти проф. А. И. Доватура. Тезисы докладов конференции. Рени. С. 30-32.

Фармаковский Б. В., 1893. Три керамических фрагмента Одесского музея инп. Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. Т. 16. С. 39-44.

Чертков А. Д., 1845. О Белобережье и семи островах, на которых жили, по словам Димешки, руссы-разбойники // ЖМНП. Ч. 97. N 8. Отд. 2. С. 65-100. N 9. С. 129-162.

Яйленко В. П., 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. N 2. С. 72-99. N 3. С. 75-116.

Blaramberg J., 1822. Choix de médaille antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie de Blaramberg à Odessa. P.

Koehler H. K. E., 1826. Mémoire sur les Iles et la Course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin // Memoires de L'Académie impériale des sciences de St. Petersburg. V serie. T. X. SPb. P. 531-820.

Krug Ph., 1848. Bemerkungen zu Achmed Iba-Foszlan's Gesandtschaftsbericht, über Sprache, Religion, Sitte und Gebräuche der heidnischen Russen zu Anfange des X Jahrhunderts // Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. SPb. Theil 2. S. 463-535.

Kunik A., 1848. Ueber Krug's handschriftlichen Nachlaas // Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. SPb.; Leipzig. Theil 1. S. CCXI-XXLVI.

Статья поступила в редакцию
25.02.1992